

Брусина О.И., Ямсков А.Н. Оценка социально-демографического потенциала воспроизводства ставропольских туркмен и их этнокультурных особенностей (по материалам полевых исследований 2012 г. в аулах Башанта, Чур, Шарахалсун, Эдельбай) // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. Сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием конференции (г. Кемерово, 17-18 октября 2014 г.). Отв. ред. В.В. Поддубиков. – Кемерово: Практика, 2014. – С. 204-208

Брусина О.И., Ямсков А.Н.

Институт этнологии и антропологии

Российской Академии Наук

Москва, РФ

**Оценка социально-демографического потенциала воспроизводства
ставропольских туркмен и их этнокультурных особенностей
(по материалам полевых исследований 2012 г. в аулах
Башанта, Чур, Шарахалсун, Эдельбай)**

O. I. Brusina, A. N. Yamskov

Institute of Ethnology and Anthropology,

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

**Assessment of socio-demographic potential for reproduction of the Stavropol Region's
Turkmens and their ethno-cultural characteristics (based on materials of the 2012 field-
works in Bashanta, Chur, Shrahalsun, Edelbay)**

The paper presents comparative prognosis of socio-cultural and demographic prospects for four rural communities (auls) of Turkmen people (Stavropol Territory, Russian Federation). Our approach implies use of quantitative socio-demographic indicators: percentage of mono-ethnic households, percentage of two-parent households (with non-retired parents and children), percentage of retired households, ageing index. Conclusions are based on analysis of the 2012 demographic data from the books of household records. In Chur, the prospects for Turkmen's demographic and ethno-cultural reproduction are the worst due to a lower proportion of

ethnically homogeneous households and two-parent households, and a higher ageing index. Edelbay, with a higher percentage of retired households and a higher ageing index, demonstrates initiate youth outflow and, thus, probability of worse demographic reproduction if the outmigration rate does not drop. Considering the best values, both absolute and related to those of Chur and Edelbay, Bashanta and Sharakhalsun have the most favorable prospects for ethno-cultural and demographic reproduction.

Вероятно, одним из важнейших практических и теоретических вопросов, встающих перед специалистами в сфере прикладной этнологии, является вопрос о прогнозировании социально-культурного и демографического будущего небольших по численности этнокультурных сообществ, расселенных среди многократно превосходящих их в демографическом отношении народов. Речь идёт о том, на каком основании можно относительно обоснованно прогнозировать сохранение подобного малочисленного местного этнического меньшинства в перспективе ближайших десятилетий. Либо, напротив, о том, какие именно факты позволяют исследователю предположить вероятное дальнейшее уменьшение численности такого этнического меньшинства, вплоть до его потенциального исчезновения на данной территории в обозримом будущем в силу различных причин (этнической ассимиляции, естественной убыли, этноизбирательной миграции).

Мы в данной работе предлагаем возможный подход к решению такого рода задач на примере методов и некоторых первых результатов сравнительного анализа социально-демографической ситуации в нескольких аулах ставропольских туркмен. Эти аулы расположены в Туркменском (Чур, Шарахалсун), Арзгирском (Башанта) и Благодарненском (Эдельбай) районах на северо-восточной и восточной периферии Ставропольского края. До начала XX в. включительно земли этих современных аулов лежали в области летних степных пастбищ кочевников-скотоводов «трухмен», т.е. туркмен, в пределах «Трухменского приставства». Оно существовало в Ставропольской губернии с 1825 г. и до послереволюционных преобразований начала 1920-х гг. В 1925 г. основная часть летних пастбищ ставропольских туркмен, где в итоге осела примерно половина из них, вошла во вновь образованный Туркменский национальный район. Местности вдоль весенне-осенних кочевых маршрутов и в районе зимних пастбищ, до Революции 1917 г. тоже входившие в Трухменское приставство, отошли в другие районы Ставрополя. Существует также и географическое понятие Туркменская степь, территория которой примерно соответствует

вышеупомянутому приставству. Впрочем, о происхождении и истории ставропольских туркмен и об их этнокультурной специфике ранее достаточно подробнее писала один из авторов данной работы [Брусина, 2012].

Ставропольские туркмены – небольшое этническое меньшинство в Ставропольском крае, которое насчитывает 15048 человек, или 0,05% населения, по переписи 2010 г. [Население по национальности ..., 2010]. Все они почти полностью проживают в сельской местности – в 2002 г. из 13937 чел. в городах Ставрополя проживало только 1135 чел. [Брусина, 2008: 6]. В 2002 г. в Туркменском районе ставропольские туркмены (4891 чел.) составляли 17,4% населения, которое всё являлось сельским.

с. 204

В Нефтекумском районе, куда вошли основные земли зимних пастбищ ставропольских туркмен и возникшие на них аулы, их было 4821 чел., или 13,5% сельского населения; в Арзгирском районе (459 чел., в основном в ауле Башанта) – 1,6% населения (всё население района – сельское); в Благодарненском районе – 1290 чел., в основном в ауле Эдельбай, или 4,1% сельского населения района [Брусина, 2008: 7]. Во всех этих районах в 2002 г. сохранялось преобладание русского населения, доля которого составляла в Туркменском районе – 66% населения, в Нефтекумском – 54%, в Арзгирском – 76,5%, в Благодарненском – 85% [Национальный состав ..., 2002]. Однако в 1990-е – 2000-е гг. для этих преимущественно аграрных районов полупустынно-сухостепного востока и северо-востока Ставрополя был характерен заметный отток русского населения при его изначально пониженной, по сравнению с другими районами края, доле в населении [Нефедова, 2012: 13].

Ставропольские туркмены в крае компактно населяют около 20 аулов, и примерно в половине из них составляют более 90% населения [Брусина, 2008: 6]. Этнически смешанные браки ставропольские туркмены в основном заключают с русскими, татарами, ногайцами и дагестанцами, чаще всего даргинцами [Брусина, 2012]. Последние появились в степных и полупустынных овцеводческих районах Ставрополя в основном после Великой Отечественной войны как сезонные чабаны дагестанских колхозов на арендуемых зимних пастбищах в пределах Ногайской и Туркменской степей, а с 1960-х – 1970-х гг. стали оседать там на постоянное жительство. Казанские татары вместе с русскими участвовали в земледельческой колонизации этих земель в XIX в., а с конца XIX в. власти ак-

тивно привлекали татар в Трухменское приставство для того, чтобы те способствовали переходу туркмен-кочевников к оседлости и земледелию. Ногайцы были исторически расселены на территории Нефтекумского и прилегающих районов, составлявших западную часть особой административной территории, Ногайской степи, до 1917 г. Доля этнически смешанных браков в тех немногих аулах, где туркмены находятся в явном меньшинстве, может достигать у них до половины и более, но в преимущественно туркменских по составу населения аулах, которых большинство, она снижается до 5% и ниже [Брусина, 2012].

Итак, вернёмся к поставленной в начале данной работы задаче и попробуем дать более развернутый ответ на вопрос о том, какие причины могут потенциально затруднить или даже сделать невозможным сохранение в обозримой перспективе небольшого этнокультурного сообщества в полиэтничной по составу населения местности. В разных ситуациях это могут быть более активный, чем у представителей других этнических групп, выезд членов данного сообщества в другие регионы страны (этноизбирательная миграция), или активизация процессов этнической ассимиляции соседями, или же естественная убыль из-за превышения смертности над рождаемостью. Может встречаться совокупное воздействие двух или даже всех трёх вышеназванных причин. Здесь важно отметить, что механическое (миграция) и естественное (соотношение рождаемости и смертности) движение населения – демографические процессы, которые выражаются соответствующими количественными показателями. Однако и этническая ассимиляция в подавляющем большинстве случаев идёт через этнически смешанные браки, а потому тоже может быть косвенно отражена количественным демографическим показателем, например, брачностью (числом лиц, состоящих в браке, но не во всех браках, а только в этнически смешанных).

Таким образом, появляется возможность использовать количественные демографические показатели для оценки тех социальных или, точнее, социально-культурных процессов, от которых зависят перспективы сохранения или исчезновения этнокультурной группы. Правда, за рамками анализа при этом остаётся такой мощный в нынешних условиях фактор, как всепроникающие процессы социо-культурной модернизации (иногда называемой также «культурной урбанизацией»), действующие прежде всего через СМИ, школу, участвовавшие поездки и межличностные контакты и т.п., которые тоже существенно меняют культурные традиции членов местных сообществ даже в самых отдаленных уголках страны.

Далее для сопоставления перспектив демографического и этнокультурного воспроизводства ставропольских туркмен в отдельных изученных аулах мы используем следую-

щие количественные показатели. Во-первых, это доля полных домохозяйств и индекс постарения населения, которые отражают совместное воздействие механического и естественного движения населения на перспективы физического сохранения группы при смене поколений. Во-вторых, что не менее важно, – доля моноэтнических домохозяйств, которая отражает перспективы сохранения этнокультурных традиций, унаследованных членами группы от предков.

Рассмотрим эти показатели подробнее. Доля моноэтнических домохозяйств – наиболее строгий показатель, т.к. речь идёт не о семейных парах (собственно браках и доле среди них моноэтнических),

с. 205

а именно о хозяйствах, в которых, в частности, воспитываются дети, социализируясь в соответствии с той или иной этнической традицией. Ведь все члены домохозяйства воздействуют на ребёнка, и нередко не менее, чем мать или отец, которые обычно вынуждены работать и потому меньше времени могут проводить дома с детьми, чем, например, бабушка или дедушка. Так что этот показатель выглядит более точным, на наш взгляд, ведь моноэтнических домохозяйств в селе может быть заметно меньше, чем моноэтнических браков.

Полное домохозяйство – то, которое включает в свой состав семью из обоих супругов в работоспособном возрасте (от 18 до 59 лет включительно) и детей (ребёнка) дошкольного или школьного возраста (до 17 лет включительно) [подробнее см.: Ямсков, 1999]. Иными словами, это такое домохозяйство, в котором на момент обследования подрастает следующее поколение, так что доля таких «полных» домохозяйств в селе, например, хорошо отражает демографические перспективы на ближайшие годы или одно-два десятилетия. Но это – не просто демографический, но интегральный показатель, ибо он также отражает и крепость семейных устоев в данной группе, и отчасти даже популяционное здоровье или риски преждевременной смертности от несчастных случаев и т.д. Поэтому долю полных домохозяйств можно считать именно социально-демографическим показателем, отражающим также и социо-культурные особенности группы, весьма важные с точки зрения её возможного будущего.

Индекс постарения сельского населения рассчитывается в долях единицы либо в единицах и представляет собой отношение процентной доли в селе домохозяйств из одно-

го, двух или более пенсионеров (60 лет и старше) к доле домохозяйств, включающих полные семьи в составе трудоспособных супругов 18-59 лет и их детей или ребенка до 17 лет включительно [подробнее см.: Ямсков, 2007]. Можно, конечно, при характеристике местного сообщества пользоваться и просто показателем доли в нём домохозяйств пенсионеров, но, например, для сопоставления многих селений друг с другом рассчитываемый подобным образом индекс информативнее, поскольку наглядно выражает даже небольшие различия между ними. Главное же его достоинство в другом – этот индекс ведь фиксирует внимание исследователя не только на распространенности хозяйств, из которых люди молодого и среднего возраста выехали в другие места или, реже, умерли, но и на соотношении в группе (селе) полных и «пенсионерских» домохозяйств. Именно последнее определяет демографический потенциал селения на ближайшие годы.

Для расчета вышеназванных показателей требуется выписывать из похозяйственной книги одновременно четыре ряда данных: общее количество моноэтнических домохозяйств, в том числе количество домохозяйств с полными семьями и количество домохозяйств из одних пенсионеров, и отдельно – количество полиэтнических по составу домохозяйств. Предварительно или параллельно стоит также составить возрастную-половую, или демографическую, пирамиду на всех жителей села соответствующего этнического происхождения по возрастным пятилетним когортам 0-4, 5-9, 10-14 лет и т.д. При этом, для расчета предложенных показателей, необходима отдельная повторная фиксация всех лиц в возрасте 15-17 лет для более точного определения количества в селе детей (т.е. лиц школьного возраста, до 17 лет включительно), и взрослых (лиц работоспособного возраста, 18-59 лет включительно). Подобная группировка в возрастные когорты «работоспособных» и «пенсионеров» (от 60 лет и старше) весьма условна, ибо многие из последних активно работают в приусадебном хозяйстве лет до 65 и более. Но такой подход все же лучше отражает реалии сельской жизни, чем современная официальная статистика с её порогом трудоспособного возраста у женщин в 55 лет.

Составившие основу данного исследования полевые материалы были собраны в середине 2012 г. О.И. Брусиной, которая сделала полные фотокопии страниц похозяйственных книг из этих селений и провела интервьюирование сотрудников сельских администраций и части местных жителей. Камеральная обработка полевых материалов для данной работы выполнена А.Н. Ямсковым, а полученные выводы сформулированы авторами совместно.

Результаты проведенных нами расчётов указанных социально-демографических показателей по туркменским аулам Башанта, Чур, Шарахалсун и Эдельбай по состоянию на 1 января 2012 г. представлены ниже в таблицах. Следует отметить, что поскольку в Башанте оказалось всего 96 моноэтнических туркменских домохозяйств (440 человек), то по другим селениям на этом этапе работы были сделаны случайные выборки из первых 100 домохозяйств ставропольских туркмен. Численность людей в этих обчисленных моноэтнических туркменских домохозяйствах представлена в Таблице № 1, а всего население аулов по переписи 2010 г. составляло: Эдельбай – 1230 чел., Чур – 744 чел., Шарахалсун – 1640 чел. [Брусина, 2012].

с. 206

Таблица № 1

Количество туркменских моноэтнических домохозяйств в ауле и их доля в селении

Аул	домохозяйства		Доля моноэтнических домохозяйств
	количество	численность населения	
Башанта	96	440 чел.	90%
Эдельбай*	100	403 чел.	95%
Чур*	100	352 чел.	73%
Шарахалсун*	100	515 чел.	93,5%

* Селения, в которых обработана только случайная выборка из 100 домохозяйств.

Данные из Таблицы № 1 позволяют сделать вывод, что проблемы передачи этнокультурных традиций следующему поколению в этих аулах ставропольских туркмен практически нет, за возможным исключением селения Чур. Очень высокая доля моноэтнических домохозяйств практически гарантирует, что современные туркменские дети вырастут в традициях своего народа. Но, конечно, мы говорим о народных традициях в том виде, в котором они сохранились до сего дня, и с учетом всё возрастающего воздействия на них процессов социо-культурной модернизации в их глобальных и общероссийских вариациях.

Количество полных туркменских домохозяйств в ауле и индекс постарения населения

Аул	домохозяйства					индекс постарения населения
	полные			пенсионерские		
	кол-во	численность	доля	кол-во	доля	
Башанта	48	270 чел.	50%	3	3%	0,06
Эдельбай*	42	229	42%	8	8%	0,19
Чур*	26	131	26%	5	5%	0,19
Шарахалсун*	51	322	51%	3	3%	0,06

* Селения, в которых обработана только случайная выборка из 100 домохозяйств.

Данные из Таблицы № 2 указывают, что с собственно демографическим воспроизводством туркменского населения наиболее благополучно обстоят дела в Башанте и Шарахалсуне, в которых и индексы постарения населения тоже очень низкие. Надо отметить, что по опыту прошлых исследований одного из авторов, А.Н. Ямскова, среди сельских гагаузов Молдавии или абхазов, такие высокие доли полных домохозяйств в сочетании с крайне низкими долями домохозяйств из пенсионеров отражают очень благоприятную демографическую ситуацию на селе. Вновь выделяется, однако, аул Чур с достаточно скромным показателем доли полных домохозяйств, но, с другой стороны, индекс постарения населения в нем ещё невелик из-за довольно малого числа домохозяйств из пенсионеров. Именно в Чуре ситуация с демографическим воспроизводством туркменского населения хуже, чем в остальных обследованных селениях ставропольских туркмен.

Наконец, аул Эдельбай, при весьма высокой доле в нем полных домохозяйств и, следовательно, благоприятных ближайших демографических перспективах, одновременно демонстрирует и самую высокую долю домохозяйств из пенсионеров. Это обстоятельство пока еще не сильно сказалось на индексе постарения населения, однако в селе, видимо, уже начался отток населения. Обычно такие процессы имеют тенденцию усиливаться со временем, так что более отдаленные демографические перспективы ставропольских туркмен в Эдельбае не кажутся особенно оптимистическими. Хотя на ближайшие годы, повторимся, воспроизводство населения в Эдельбае будет идти почти столь же успешно, что и в лидирующих с этой точки зрения Башанте и Шарахалсуне.

В итоге можно сделать вывод, что рассчитанные показатели свидетельствуют о достаточно благоприятной на ближайшую перспективу ситуации с демографическим и этнокультурным воспроизводством сельского населения ставропольских туркмен в аулах Башанта и Шарахалсун. С другой стороны, в ауле Чур есть вероятность развития процессов этнической ассимиляции или как минимум трансформации этнокультурных особенностей местных туркмен под воздействием смешанных браков преимущественно с татарами.

с. 207

Кроме того, в Чуре заметно хуже обстоят дела и с собственно демографическим воспроизводством туркменского населения из-за пониженной доли домохозяйств с полными семьями с детьми. Аул Эдельбай отличается самой высокой долей моноэтнических домохозяйств и весьма высокой долей полных домохозяйств с детьми, так что в ближайшие годы проблем в сфере демографического и этнокультурного воспроизводства сельского населения ставропольских туркмен здесь, видимо, не будет. Однако самая высокая и существенная для ставропольских туркмен доля домохозяйств из пенсионеров в этом ауле говорит о том, что из Эдельбая начался заметный отток населения и в будущем это может привести к возникновению здесь сложностей с воспроизводством населения.

* * *

Представленные выше примеры расчетов и первых этапов анализа ряда социально-демографических показателей показывают, на наш взгляд, операциональность доли полных домохозяйств, индекса постарения населения и доли моноэтнических домохозяйств при определении ближайших перспектив демографического и этнокультурного воспроизводства этнических групп сельского населения. Для социально-этнологической экспертизы эта задача является одной из основных и, так или иначе, она обычно возникает практически в любом прикладном исследовании. Первые два показателя также позволяют количественно оценивать и корректно сопоставлять свойственные отдельным этническим или локальным группам населения уровни адаптированности к сложившимся условиям жизни на селе.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00235 «Туркмены Юга России: социально-культурные трансформации и межэтническое взаимодействие. XX – начало XXI в.» (рук. – О.И. Брусина, 2012-2014 гг.).

Библиографические ссылки

Брусина О.И. Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2008. – Вып. 208. – 42 с.

Брусина О.И. Этническая группа в многонациональном окружении: полевые исследования среди туркмен Юга России // Диаспоры. – 2012. №1. – С. 95-128.

Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (Таблица № 4) // Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат)

Национальный состав населения территорий Ставропольского края по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. – Ставрополь

Нефедова Т.Г. Сельское Ставрополье глазами московского географа. Разнообразие районов на юге России. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – 81 с.

Ямсков А.Н. Методы изучения этносоциальной поляризации // Методы этноэкологической экспертизы. Отв. ред.: Степанов В.В. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – С. 201-214.

Ямсков А.Н. Социально-демографические показатели адаптированности сельского населения к постсоветским условиям жизни // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. Вып. 3. Отв. ред. Н.П. Матвеева. – Тюмень: изд. «Вектор Бук», 2007. – С. 302-305

с. 208